

П. БЕССАЛЬКО

Футуризм и пролетарская культура

Футуризм и пролетарская культура, вот два сфинкса, смотрящие друг на друга и вопрошающие: кто ты? От ответа, какой дадут эти литературные направления, зависит их судьба. Одно другое должно уничтожить. Это чувствуют противники и потому медлят с ответом. А одно из этих общественных течений явно уклоняется от ответа. Футуризм хитрит: точно хамелеон, он старается принять чуждую ему окраску революционной культуры пролетариата. В «Искусстве коммуны», во втором номере, Н. Альтман говорит: «лишь футуристическое искусство построено на коллективистических основах. Лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата».

Некоторые футуристы, говоря о футуризме, понимают под ним все левые течения в искусстве. Но другие тут же ограничивают рамки футуризма, исключая из него литературные течения, представляемые Пролеткультами.

По мнению О. Брика, культура, творимая самими рабочими, не есть пролетарская культура. О. Брик тщится доказать, что истинными ее творцами явятся художники-пролетарии, сиречь футуристические интеллигенты.

Мы сами охотно исключаем пролетарскую культуру из футуристического кольца, ибо никогда мы не были поклонниками блока левых, тем более союза с теми, которые, по нашему мнению, идут левее здравого смысла.

И это еще тем хорошо, что наша платформа, не замутиренная никакими «измами», будет видна глазам рабочего класса. Мы исходим из того положения, что пролетарскую культуру создают сами рабочие, а не интеллигенты, случайно или не случайно дошедшие до идей пролетариата.

Романы Купера и поэмы Лонгфелло о краснокожих индейцах никому не приходит в голову назвать литературой индейцев; по-

чему же хамелеоны интеллигенции, пишущие о рабочих, называют свою литературу рабочей литературой? Разве гусеница, в целях самосохранения принимающая вид древесного сучка, перестает быть обжорливой гусеницей? И не обнаруживает ли симулянтка, после первого приступа страха, свою природу?

Следовательно, серьезно говорить о литературе, написанной интеллигентами, как о рабочей литературе, не приходится, и ее нужно рассматривать лишь как попытку одного класса обработать в своих интересах психологию другого класса и на место реального поставить мнимое.

В приказе по армии искусства, в первом номере газеты футуристов, поэт Маяковский делает первую попытку в этом направлении.

Паровоз построить мало —
 накрутил колес и утек;
 Если песнь не громит вокзала,
 то к чему переменный ток?
 Громоздите за звуком звук вы
 и вперед,
 поя и свища,
 Есть еще хорошие буквы
 Эр.
 Ша.
 Ща.
 Это мало построить парами,
 распушить по штанине канты.
 Все совдепы не сдвинут армий,
 если марш не дадут музыканты.
 На улицу тащите рояли,
 Барабан из окна багром;
 Барабан,
 рояль раскроя ли,
 но чтоб грохот был.
 Чтоб гром.
*Это что корпеть на заводах
 перемазать рожу в копоть
 и на роскошь чужую
 в отдых
 осоловелыми глазами хлопать* (курсив П. Бессалько. — *Ред.*).

Довольно грошовых истин.

Курсивом мы отметили футуристическую симпатию Маяковского к рабочим и его плохо замаскированную тревогу за чужую роскошь. «Грошовые» истины рабочих в этом «коммунисте» вызывают тошноту. И для него дороже всех этих грошовых истин необыкновенное рифмование слов с окончанием на эр, ша, ща!

И вытаскивание через окно на улицу багром барабанов и роялей, «чтоб грохот был, чтоб гром».

Необыкновенное пристрастие у футуристов к бутафорскому грому.

Белогвардейца
найдете и к стенке.
А Рафаеля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенкам музеев тенькать.
А почему
не атакован Пушкин?

Этот бутафорский гром необходим футуристам, как капиталистам благородные слова о защите родины от вражеского нашествия, потому что за словами и за шумом можно потихоньку делать свои делишки. А делишки эти у футуризма — дискредитирование рабочей революции. Если же такой усердный шум производится по глупости, то тем хуже — услужливый дурак опаснее врага. Пролетарские поэты тоже писали:

Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля.

Но это писалось в свое время, чтобы устыдить тех, кто во время московского боя бежал из наших рядов. Мы прокричали им, что наше Завтра лучезарней золотых макушек Чудовых и иных монастырей. Что же вы, гражданин Маяковский, дадите нам взамен Пушкина, которого вы еще не осилили, которого вы читаете по ночам*, а по утрам называете «негодяем» и «сволочью»? Со своим «бунтом» вы напоминаете нам недоразвившегося атеиста, который не отрицает существования Бога, а лишь борется с ним.

Знаю
не любите праздных фраз вы,
Рубите дуб — работать дабы.
А мы
не древообделочники разве?
Голов людских обделываем дубы.

Прежде всего свою голову нужно обделать или снести ее в психиатрическую Бехтерева, а потом уже писать приказы по искусству.

* Маяковский в Петроградском Пролеткульте при всех наших товарищах сознался, что он Пушкина читает по ночам и от того его ругает, что, быть может, сильно любит.

Возвратимся к положению Н. Альтмана — «лишь футуристическое искусство построено на коллективистических основах».

Будем приводить примеры коллективистической основы футуризма.

Василий Каменский. «Его-моя биография великого футуриста. 7 дней предисловий, 3 портрета».

На книге автор наклеил кружочек сусального золота.

На портретах он показал нам своих буржуазных папу и маму.

И себя — Васю — в солнцерадостном детстве и себя, Василия, уже здоровенного парня в футуристической тужурке.

Вся биография до тошноты напичкана самолюбованием, кокетством и обезьяньими ужимками, а вот и его стихи:

Из жизни создал я поэмию
 А из поэмии — стихи
 И стал подобен солнцегению
 И композитором стихии.
 Быть может, Первый в Современности
 Из мастеров я, сам Московский,
 И даже тают в удивленности
 Давид Бурлюк и Маяковский.

А Маяковский, «тая в удивленности», в свою очередь сочиняет о себе поэму — «Человек», с главами — «Рождество Маяковского», «Жизнь Маяковского», «Страсти Маяковского», «Вознесение Маяковского» и т. д. и т. д.

Но этого мало. Эдуард Багрицкий сочиняет гимн Маяковскому —

Озверевший зубр в блестящем цилиндре.
 Ты медленно поводишь остекленевшими глазами.

Нужно признаться, что футуристы не скупаются друг другу на гимны и на выдачу патента гениальности.

За что же, не боясь греха,
 Кукушка хвалит петуха?

Так что утверждение Н. Альтмана, будто футуристическое искусство построено на коллективистических основах, не совсем основательно.

Другое его положение, что «лишь футуристическое искусство есть в настоящее время искусство пролетариата», требует оговорки. О каком роде искусства идет речь? Если о литературе, то спор впереди, если о живописи, то можно согласиться с Н. Альтманом, что, действительно, в настоящее время, кроме футуристической живописи, у пролетариата другой не имеется. Но едва

ли пролетариат доволен этим даром футуристов, и едва ли футуристски-кубистскую пачкотню он захочет усыновить и признать ее своим искусством.

Октябрьские торжества убедили рабочих в том, что им нужно бояться «данайцев, даже приносящих дары».

Рабочий в кубе и в квадрате с вихляющимся задом и с развалившимся на квадраты позвоночником едва ли завоеует симпатию в широких трудовых массах.

И на том только основании, что коммуна за деньги поручила футуристам украсить город, считать их искусство пролетарским по меньшей мере смешно.

Но оставим спор с людьми, которые наспех нахватались слов: пролетарская культура, коллективистическая основа и тому подобное, не совсем перевариваемое футуристическими головами, и лучше поговорим о социальном свойстве самого футуризма.

Прежде всего само слово Futur — будущее, не русского происхождения, и, как течение, оно зачалось в Италии, вождем которого явился молодой писатель Ф. Т. Маринетти, истинный сын культурного разложения итальянской буржуазии. Перенесенное на русскую почву, зерно футуризма, точно трава чертополоха, сразу завоевало литературное поле.

В этом успехе ничего не было случайного. За последнее десятилетие леса русской литературы изрядно-таки оплешивели. После того как, после первой революции, интеллигенция оставила народ и стерла революционную окраску со своего искусства и превратилась в желтолицего кули капитализма; после того как русская литература, лишенная глубокой социальной почвы, поблудила в трех соснах символизма; после того как она захладила под эмалью эстетизма; после того как она истощила себя в эротизме и утомленная поханжила в религию, русская литература, русское искусство приняло в лоно свое футуризм. Вот она — автомобилья поступь современности.

— Мозг пустеет, как коробка со спичками
 К 12 ночи в раздраженном кабаке. Я
 Память сытую насильно пичкаю
 Сладкими, глазированными личиками
 И бью сегодняшний день, как лакея.
 Над жутью и шатью в кабинете запечатанном.
 Между паркетным вальсом и канканом потолка,
 Мечется от стрел электрочертей в захватанном
 И обтресканном капоте подвыпившая тоска.

(В. Шершеневич)

Автор в предисловии к своей книге говорит: ваша эпоха слишком изменила чувствования человека, чтобы мои стихи

могли быть похожи на произведения прошлых лет. В этом я вижу главное достоинство моей лирики: она насквозь современна.

Поэзия покинула Парнас; неуклюжий, старомодный, одинокий Парнас «сдается по случаю отъезда в наем». Поэтическое, т. е. лунные безделушки, слоновые башни, «вперед-народ», рифмованная риторика, стилизация, — «распродается по дешевым ценам».

Древо буржуазного искусства хирело, умирало; еще бы: «Мозг пустеет, как коробка со спичками, / К 12 ночи в раздраженном кабаке»; соки корней не подымались более к вершинам, в листву и не рождали цветов поэзии.

Дерево все в конвульсиях, перед смертью оно покрывается уродливыми шишками и наростами... Один из этих наростов и есть футуризм. Бессильное уйти от родословного дерева, бессильное найти жизненные артерии социальной почвы, это явление, стиснутое со всех сторон захиревшими стариками, объявляет священную войну против... устарелых форм искусства.

Футуристы ищут новых слов, новую рифму, создают свой ритм: ими пишутся приблизительно такие слова:

В разлитийности летайно над Грустинией летан,
Я летайность совершаю в залетайный стан,
Раскрыленность укрывая раскаленный метеор
Моя песня крыловая — незамолчный гул-мотор.

(В. Каменский)

Или размер, как у Маяковского:

Стоп!
Скидываю на тучу
вещей
и тела уставшего
кладь.

Благоприятны места, в которых доселе не был.

В конце концов, кроме десятка двух худо ли, хорошо ли составленных слов и своеобразного ритма, напоминающего скрип неподмазанной татарской телеги, футуристы в смысле формы ничего не создали. Ибо только новое содержание дает нам новые формы.

Что же касается содержания, то оно отнюдь не блещет новизной и оригинальностью, за исключением одного пикантного желания отца футуризма, Маринетти, родить сына без помощи женщины.

Все остальное у них по существу самое обыкновенное интеллигентски-мещанское. У итальянских футуристов оно шовинистически-кровожадное. А у нас — как у нас, ни то, ни се!

Как должны относиться к творчеству футуристов творцы пролетарской культуры? А очень просто — как смотрит столяр на нарост у орехового дерева — если срезать и распилить на тонкие шилевки, то может пойти на разные поделки мебели.

Можно воспользоваться кое-чем ценным из их технического багажа, но ни в коем случае нельзя позволить футуристам тело рабочей культуры одеть в футуристическую одежду. Пусть самих себя рядят в шутовской наряд, это им пристало.

